

Петр БУРМИН

Фантом
(Мой демон)

Июльским днем, гуляя по проспекту,
я ощущаю холод неземной:
то мне в затылок злобно дышит некто,
идуший тенью черною за мной.

Нет, он не призрак и не наваждение –
реален он, как бремя моих бед.
Я с ним воюю с самого рожденья.
Покуда без существенных побед.

Мы внешне друг на друга с ним похожи;
вместо меня толкаясь меж людей,
моих врагов намеренно он множит,
отпугивает от меня друзей.

Повинен он во всех моих несчастьях.
Но я не в силах одолеть его:
ведь изверг этот... неразрывной частью
является... меня же самого!

Истоки моей фантастики

Нам одежонки матери латали,
порою в школу натошак мы шли...
Но мы мечтали – как тогда мечтали! –
о путешествиях вокруг Земли.

Наш славный мир отнюдь не без изъянов –
но мы о них не ведали в те дни.
Все люди представлялись нам друзьями,
в каких широтах не жили б они.

Нам хоть разок взглянуть хотелось в лица
иноязычным сверстникам своим;
но запертая наглухо граница
нас отпустить не пожелала к ним.

Навек простившись с детскими мечтами
о путешествиях вокруг Земли,
одни еще беднее в жизни стали,
другие смысл в стяжательстве нашли.

Со мною не стряслось ни то, ни это:
наткнувшись на кордоновский запор,
мечта моя сыграла рикошетом
и унеслась в космический простор.

Я за мечтой, конечно, увязался...
Меж звезд блуждаю с давней той поры
и обживаю с гордостью хозяйской
я созданные мною же миры.

Дороги

Если б в мире не было дорог,
человек бы не потел, не дрог;
он сидел бы на скамейке парка,
где ему ни холодно, ни жарко.
Снес бы он куриное яйцо;
сделав Диогеново лицо,
поломал бы голову привычно:
что – яйцо иль курица – первично.
И сидит, случается, иной,
для чьего здоровья вреден зной
и само собой, конечно, холод,
да, к тому же, если он не молод.
Но другой отнюдь не Диоген:
у того в крови бродячий ген;
в размышленьях он не видит толку.
Потому-то он, подобно волку,

что ни день, куда-нибудь идет,
по народной мудрости живет,
по присловию – волка кормят ноги.
Третьего влекут к себе дороги
тем, чтобы, пройдя нелегкий путь,
на Отчизну издали взглянуть.

Стихи о стихах

Стихи, в которых приглушенным светом
чуть теплится неистовый заряд,
обращены к непишущим поэтам,
что заново, читая их, творят.

Мне выпретенных баллад они дороже,
куда б ни шел, с собою их беру;
они с бутоном нерасцветшим схожи
и с дремлющим младенцем поутру.

Они загадкой дивной, словно руны,
вознаградят читателей своих...
Так немы Страдивариевы струны,
Пока маэстро не коснется их.

Пилигрим

С неба цвета выцветшего ситца
жгло светило, в мареве дрожа.
Путник, страстно жаждущий напиться,
шел вослед виденьям миража.

Земли, что объять нельзя очами, –
с горизонта до другого вплоть, –
сам он превратил в алтарь печальный,
где дымилась жертвенная плоть.

Меж барханов он нашел колодец,
мог бы сделать у него привал...
Но колодец для питья не годен –
он в него однажды наплевал.

Наконец, измученный жестоко,
путник вышел на берег крутой
грязного широкого потока;
посмотрел он на берег другой.

Берег тот являлся благодатным
садом, равным Раю самому;
но, к несчастью, пилигрим когда-то
сжег мосты, ведущие к нему.

Химеры

Наш век мгновеньями измерен,
как жизнь весенних эфемер;
и тот, увы, мы дарим вере
в существование химер.

Мы – от велика и до мала –
упрямо верим в чудеса,
надеясь, что, сияя алым,
придут за нами паруса.

Во сне мы ласточками реем,
светим мечтою путь во мгле
и строим замки в эмпиреях,
а балаганы – на земле.

Пора, затеплив богу свечи,
молить о милости небес –
мы все надеемся на встречи
фольклорных принцев и принцесс.

Живем мы грезами и снами,
боимся яви, как чумы;
любили б тех, кто рядом с нами –
любимы были бы и мы.

О нашем заблуждении

Науке служим правдой мы и верой.
Но наша правда с верой стоят грош:
мы знаем мир в пределах атмосферы,
о том, что дальше, – изрекаем ложь.

Пока земляне, стало быть, похожи
на тех незрячих праздных чудаков,
что спор ведут о цвете глаз и кожи
прохожих дам по... стуку каблуков.

Мир не оранжерейный и елейный,
а подлинный откроется вокруг,
когда мы выйдем на простор Вселенной
и истину возьмем из первых рук.

Звездный свет

От преодоленного пространства
выстыли небесные лучи:
как глаза покойника, бесстрастно
смотрят звезды на Землю в ночи.

Некогда светила излучили
сей бесплотный, анемичный свет,
что в безмерной мировой пучине
шел транзитом миллиарды лет.

То оставил след с неярким блеском
Взрыв Большой, что создал этот мир
далеко не за семь дней библейских,
а всего лишь... за единый миг.

Хомо футурус

В ближайшем веке явятся гиганты,
неся в себе всеобщий идеал –
ожившие прекрасные атланты,
которых древний скульптор изваял.

Не будет у потомков с нами сходства,
как между совершенством и уродством:
у эволюции неистощим запас –
она не остановится на нас.

Прорехи залатав в озонном слое,
они объявят хаосу табу;
помянут нас, увы, недобрым словом,
что повернемся – мертвые – в гробу.

Искусство будет править этим миром,
что, надо думать, вовсе неспроста:
для тех, кто нам наследует, кумиром,
верховным богом станет... красота.

Миф

Я не был в храме Артемиды
и из завистливой обиды,
как Герострат, его не жег.
Но я готов сойти к Аиду
за пару стихотворных строк.

Я выпил жизнь глотком единым
и, судя по моим сединам,
давно для мудрости поспел.
Однако песни лебединой
я далеко еще не спел.

Жизнь человека скоротечна,
но я, спокойный и беспечный,
все не пишу заветных строк...
как будто мне подарит вечность
Мафусаилов долгий срок.

Истины

Что нет готовых истин под рукою,
что их скрывают толстые пласты –
факт, найден археологами, кои
всю землю перерыли, как кроты.

Астрономы с лопатой-телескопом
работают в космической дали;
свои нерукотворные раскопы,
они ведут в реликтовой пыли.

Туманностей рассеянных остатки,
что свет звезды пронзает на пути,
Эйштейновы и прочие константы
им помогают истины найти.

Специалисты нам открыли вежды
на космос дальний и планеты в нем;
их заселили монстрами невежды,
которых мы фантастами зовем.